

Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова,
факультет журналистики

Работа на тему:
«Лев Гумилев и Борис Акунин: два взгляда на "ордынский" период в
отечественной истории».

Выполнила: студентка дневного отделения,
группа 521
Глотова Анастасия

Преподаватель: Засурский Иван Иванович

Москва

2014

«России определено было великое предназначение: ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы...образующееся просвещение было спасено растерзанной Россией» - так написал А.С. Пушкин о периоде татарского ига в нашей истории. В школе нас всех учили, что татаро-монголы захватили в то время раздробленную Россию и держали русский народ в абсолютной зависимости. Однако было ли все так однозначно, как кажется на первый взгляд. Если мы поставим перед собой цель изучить мнения российских историков (Ключевский, Карамзин, Вернадский, Костомаров и т.д.), то мы увидим, насколько по-разному они оценивали роль татар в нашей истории. В этой работе мы рассмотрим две точки зрения: Льва Николаевича Гумилева «Черная легенда») и Бориса Акунина («История государства Российского. Ордынский период»).

«Черную легенду» Гумилева нельзя назвать обычным историческим трудом. Читатель привык, что изложение событий подчиняется строгому описанию, где нет никаких образов, аллюзий и других художественных приемов. Лев Николаевич иначе пишет свой труд. Уже само название отсылает нас к фольклору: здесь и символика черного цвета (черный цвет на протяжении веков имел негативное толкование и обозначал ложь, смерть, грех, преступление, болезнь)¹, и легенда как «одна из разновидностей сказочного прозаического фольклора»² (героями легенды традиционно становились герои, личности экстраординарные). В данном случае Л.Н. объясняет название так: «Вместо благостной сказки о вымышленном царстве в оборот пошла вторая сознательная ложь, я называю ее “черной легендой”»³. Книга получила такое название именно потому, что историк-этнолог пытается объяснить, что европейцы сделали из монголов варваров, это именно европейцы создали образ нецивилизованных, жестоких кочевников в силу собственного поражения и страха. Ученый рассуждает о том (этим

1 http://mironovacolor.org/theory/humans_and_color/symbolism/

2

3 Лев Гумилев. Черная легенда. М., 2013, с. 241

начинается книга), что народы можно поделить на Каинов и Авелей (здесь уже использованы библейские образы): «Были два брата: Каин – земледелец и ремесленник и Авель – скотовод. Бог предпочел Авеля, за что Каин убил своего брата, после чего был наказ изгнанием в страну Нод. Там Каин благополучно женился, и потомки его, несмотря на потоп, проповедуют его концепцию, которую правильнее назвать не исторической, а социологической. Заключается она в том, что земледельцы хорошие, а скотоводов надо бить». ⁴ Авели-скотоводы (кочевник-монголы) как этнос просто другие, которые имели свою культуру, свои обычаи и традиции. И слово «варвары» (антоним цивилизации, слово с негативной коннотацией) неуместно в отношении татаро-монгол, народа храброго, отважного, выносливого, соблюдающего кодекс Чингисхана, куда входили такие нравственные категории, как честь, воинский долг, выручка. Один из аргументов, направленных против европейцев, заключается в следующем: подавляющее большинство глав государств Западной Европы, не говоря уже о народе, не мылось и не умело писать, в то время как монголы приспособивались к тяжелейшим условиям, кочевали с одной территории в другую, придумывали и создавали свои жилища, которые были способны выдержать практически все.

Что касается жестокости, то это скорее некий стереотип и преувеличение: «Отнюдь не все русские города погибли во время Батыева набега, как «принято считать», принято потому, что “в этом сказалось господствующее представление историков о судьбах края”»⁵. Вот они истоки нашего заблуждения, по мнению Гумилева. Нужно добавить, что автор вводит вымышленные диалоги (например, между Аммианом Марцеллином, С.И. Руденко и Л.Н.Гумилевым), включает в полотно описания отрывки из трудов европейских историков, жестко критикуя их точку зрения.

⁴ Там же, с. 78

⁵ Там же, с. 137

Что касается завоевания русской земли монголами, то Гумилев отрицает это: «А Русь монголами не была ни подчинена, ни покорена»⁶. Он вводит понятие положительной комплиментарности, или положительной подсознательной симпатией народов друг к другу. Из этого Л.Н. развивает мысль о некоем политическом союзе между русичами и монголами. Однако тут нужно сказать, что он далеко не первый, кто придерживался такой точки зрения. Историки-евразийцы, к которым относил себя и автор «Черной легенды», тоже рассматривали данное время в отечественной истории не так однозначно и негативно, как это принято сейчас. В подтверждении своей правоты этнолог касается нескольких факторов: религии, дани, степени зависимости. На протяжении всех 240 лет татары не пытались навязать нам своего вероисповедования (ни язычества, ни ислама), в то время как тевтоны предприняли военный поход для «обращения» нас в свою веру – католичество.

Что касается дани, то непосредственно баскакам русские платили дань одну четверть столетия, потом князья сами стали собирать натуральный и денежный сбор и отвозить его в Золотую Орду. Безусловно, нельзя говорить об абсолютной независимости. Однако сравнения турецкое иго в восточной части Европы (Болгария, Сербия, Грузия, Армения), где турки вырезали христиан, отбирали детей, обращали насильно в мусульманство и сами собирали дань, мы начинаем сомневаться в существовании татаро-монгольского ига.

Для подтверждения своей позиции Гумилев рассматривает фигуру Александра Невского. Он канонизирован, но мало, кто когда-либо задумывался почему. Мы можем прочесть «Житие Александра Невского», где выведен образ полководца-праведника, у которого нет недостатков. Однако этому источнику придется отказать в объективности, потому что жанр жития предусматривал описания жизни святых, а не простых людей. Лев Николаевич усматривает в решении Православной Церкви следующий мотив:

⁶ Там же, с. 135

«Александр Невский не был очень добрым человеком – он крепко расправлялся со своими противниками, - так что и это не повод сделать его святым и почитать до сих пор<...>Очевидно, главным послужил имеющийся колоссальное значение правильный политический выбор, сделанный Александром»⁷. Ученый не умаляет роли князя – ему удалось остановить как шведов, так и немцев. Под сомнение ставится другое: смог бы он сделать это в одиночку: «В общем, Владимирское княжество устояло, несомненно, только благодаря тому союзу, который Александр Невский заключил с золотоордынскими ханами»⁸.

Ключевым понятием всей теории Л.Н. Гумилева несомненно надо считать идею о пассионарности (хотя, скорее, вводит его Вернадский, о чем сам говорил Гумилев), которую он развил в своей знаменитой «Степной трилогии». Ученый-этнолог говорит о том, что этнос начинает свое существование со взрыва пассионарности («энергия живого вещества биосферы»⁹). Л.Н. разделяет русский этнос сейчас от этноса древней Руси. Праотцом, если можно так выразиться, нашего этноса он считает как раз Александра Невского. Единственным уязвимым моментом всей теории о пассионарности можно считать невозможность ее проверки, доказательности.

Еще одним подходом к российской истории (весьма своеобразным надо сказать) можно считать книгу Бориса Акунина – это современный взгляд на хронологию событий из XXI века. Книга получилась весьма противоречивой по своему содержанию. Если Лев Гумилев защищал татаро-монгол, то Акунин становится на другую сторону баррикад, хотя некоторые его рассуждения схожи с гумилевскими, о чем мы скажем несколько позже.

Начнем со вступления и противоречий, заявленных уже там. Борис Акунин хочет посмотреть по-другому на «ордынский период», где господствовала точка зрения об абсолютной критике наших завоевателей: «В общем, нашему взгляду на отечественную историю давно пора бы избавиться

7 Там же, с. 298

8 Там же, с. 297

9 Там же, с. 291

от «антитатарской» предвзятости»¹⁰. Однако сам он не воздерживается от довольно-таки резких оценок: «Эпоха монгольского владычества в русской истории - самая неприглядная. Это тяжелая травма исторической памяти: времена унижения, распада, потери собственной государственности»¹¹. У автора получается представить татар как абсолютное зло («Монгольские завоевательные походы, с одной стороны, несомненно были геополитической и гуманитарной макрокатастрофой»¹²), чьи походы сравниваются им с Второй Мировой войной, а Чингисхан представлен как злодей, у которого учился сам Адольф Гитлер. После создания такого образа читатель с большей вероятностью утвердится в своем негативном отношении к монголам. И здесь мы видим, что линия «черной легенды» о татарах продолжается. Если Гумилев объяснял быт этого кочевого народа, его поведение, причины жестокой расправы на реке Калка в 1223 году (русские убили монгольских послов), то Борис Акунин занимает «европейскую» позицию в своей оценке: он цитирует Ж.-Н. Бирабена, Вильгельма де Рубрука, который рассуждал о чистоплотности татар при том что французский монарх сам пренебрегал гигиеной, в парике короля жили мыши, а крупные города Франции того времени тонули в грязи.

В данном случае мы можем признать, что Лев Николаевич, прежде всего, четко разграничивал народы оседлые и кочевые, абсолютно разные по своему образу жизни. И то, что для одних может считаться нормой, совершенно не значит, что будет нормой для других. Более того, советский этнолог сторонился, может быть, «оскорбительной оценки». В «Черной легенде» он не подразделял народы на цивилизационные и варварские, он осознавал, что есть этносы молодые, которым только предстоит пройти все ступени развития, если с ним не случится «перегрева пассионарности», как это произошло с монголами.

10 Борис Акунин. Часть Азии. История Российского государства. Ордынский пениод. М., 2014, с. 6

11 Там же, с. 4

12 Там же, с. 25

Борис Акунин мыслит иначе. Для него есть просвещенный Запад и нецивилизационные татаро-монголы. Несмотря на то, что в «Черной легенде» ощущалась четкая поляризация на Запад(европейский этнос) и Восток (степные и русские этносы), то негодование Гумилева распространялось больше на некорректное отношение, «унижение» всего татарского народа.

Более того, в книге Акунина есть еще одно слабое место: он не может абстрагироваться от этики современности. То, что сегодня вызовет волну критики, будь то беспринципное поведение в сфере политики, к примеру, в XIII веках считалось нормой. Люди того времени далеко не всегда мыслили в категориях «хорошо» или «плохо». На том этапе своего развития было, скорее, четкое разделение: свои и чужие.

Говорить о Чингизхане как о человеке нашего времени, наверное, не совсем правильно. Это очень важно, потому что в средние века мы не сможем найти другого примера ведения войны – люди по-другому мыслили, у них была другая система ценностей. Вот этот важный, на наш взгляд, момент Борис Акунин тоже обходит стороной.

История не терпит сослагательного наклонения. Достаточно расхожая фраза, которой нельзя отказать в справедливости. Однако Акунин переходит и эту грань. Несомненно возможно сравнение Наполеона с Чингизханом, здесь есть явные переключки: исключительные личности, талантливые в военном и политическом делах, оба прославились еще при жизни, кумиры своего времени. «Самый прославленный полководец истории Наполеон, чье имя стало нарицательным, до этого статуса не дотягивает. Сложись обстоятельства чуть иначе, и роль диктатора (а революция всегда заканчивается личной диктатурой) могла бы достаться другому молодому генералу – Гошу, Жуберу или Моро. И дальше, вероятнее всего, произошло бы примерно то же самое: сначала экспансия, потом неминуемое поражение Франции и реставрация Бурбонов»¹³. В приведенной цитате присутствует сразу несколько слабых мест: во-первых, это попытка сделать сослагательное

13 Там же, с. 36

наклонение, во-вторых, снижение личности Наполеона (он может и проиграл войну 1812 года и умер на о. Эльба, но это не снижает его статуса), в – третьих, публицист нарушает закон логики, а именно допускает роль случая в жизнь Наполеона. Как мы знаем из биографии Чингизхана, в его судьбе так же присутствовали моменты, когда только от одной случайности зависела будущее великого завоевателя. Но прогнозов в отношении монгольского хана он не делает.

Отношение Бориса Акунина к Александру Невскому тоже весьма «нестандартное». Он, с одной стороны, не отказывает ему в сильных личных качествах, признает его искусство дипломатии, с другой стороны, снижает значение его двух великих побед, а это именно великие победы, потому что Невский остановил западную экспансию. Вот оценка Невской битвы: «Большая историческая слава, доставшаяся Александру за сравнительно небольшой бой объяснялась тем, что в эту печальную для Руси пору других побед не было, и юный новгородский князь спас честь русского оружия»¹⁴. От комментария Ледового побоища он воздерживается.

Анализируя политику Александра Невского, Борис Акунин тоже приходит к выводу, что главным и несомненно правильным решением князя было «сделать ставку не на антагонизм с Ордой, а на симбиоз с ней»¹⁵, что, кстати, перекликается с книгой «Черная легенда». Однако если Лев Гумилев говорил о политическом союзе между татарами и русичами в частности в труде «Древняя Русь и Великая Степь» и взаимопомощи, то Акунин сомневается в такой большой роли, приписываемой Гумилевым татарам.

В своем заключении российский публицист рассматривает влияние татаро-монголов на российскую государственность. Он задается вопросом, отчего русские с татарами так и не смогли стать единым целым народом, прожив более 200 лет бок о бок. Логичным ответом на поставленный вопрос был бы, что не могут два разных этноса в силу своих различий стать одним, не могут кочевники превратиться в оседлых земледельцев по понятным

14 Там же, с. 195

15 Там же, с. 204

причинам. Однако Акунин называет другой решающий фактор: «Главная, вероятно, заключалась в том, что ханы относились к Руси как к колонии, сугубо паразитически – то есть не как рачительные хозяева, а как грабители: норовили выкачать побольше дани и забрать для своих нужд побольше людей»¹⁶. Тут возникает аллюзия на знаменитую цитату, что татары не принесли на Русь ни алгебры, ни геометрии, как это сделали мавры в Испании. Однако такая резкая оценка неуместна. Татаро-монголы, завоевывая государство за государством, понимали значимость знания, особенно того знания, которое могло пригодиться в войне. Именно поэтому из Китая они взяли секрет их оружия – пороха, а из раздробленной России они уводили именно мастеров. Более того, монголы не ставили русских ниже себя, как и русские не избегали браков с монголами и половцами. Паразитическим отношением можно назвать колониальную политику Англии в отношении Индии, когда, уходя из страны, солдаты вывезли половину культурного наследия страны и соскребали золотую штукатурку в храмах. Так что данная оценка чересчур прямолинейна и резка.

В последней главе Акунин рассуждает о том, почему на становление российской государственности повлияла именно Орда, а не Византия, несмотря на широкое распространение идеи «Москва – третий Рим» и Православие. Он приписывает веротерпимость, сакрализацию власти и имперское начало заимствованием, взятое именно у татар. Тоже очень спорный момент, потому что во время язычества (задолго до прихода татар) славяне в разных областях Руси поклонялись своим богам до принятия Христианства. И даже после воссоединения Киева и Новгорода Олегом у каждого племени был свой пантеон – так было принято, нормой. В отношении сакрализации власти, то влияние татар здесь маловероятно. Рюриковичей стало настолько много, что московские князья должны были доказать, что имеют право править теми, кто был равными им. После венчания на царство Ивана грозного обряд стал традицией. Что касается

¹⁶Там же, с. 380

имперской идеи, то очень трудно сказать, от кого к нам это пришло. Теперь очевидно вот что: русские тяжело переносят травмы распада страны.

Мы рассмотрели два взгляда на один и тот же период в отечественной истории. Оба не лишены субъективности. Лев Гумилев посвятил свою жизнь, чтобы написать труд, который смог бы убедить других людей, что татары как этнос вовсе не жестоки и далеко не варвары, как это было представлено. Этнолог выстраивает свою аргументацию для оправдания тюркской народности. По сути главный его труд – «Степная трилогия». Однако квинтэссенцией всех идей стала «Черная легенда».

На примере книги Бориса Акунина мы видим практически диаметрально противоположный взгляд. Татары - это жестокие поработители и тому подобное. Обе книги написаны не в строгом официально-деловом стиле, присущем историческим трудам. У Гумилева мы найдем смоделированные диалоги, систему образов, на которой построена структура книги. У Акунина – образность выражений («из-за меркитского» эпизода будет несколько подмоченный статус», «Ранние годы Темучина напоминают контрастный душ»¹⁷ и многие другие). Современному читателю, скорее всего, понравится книга именно Акунина. И не потому, что «Черная легенда» скучна или плохо написана. А потому, что в акунинской книге представлен взгляд современного человека и судит этот современный человек татаро-монгол по меркам сегодняшнего дня.

В ситуации, когда власти собираются выпустить единый учебник по истории, вопрос о том, правильно и этично ли употреблять устоявшийся термин «татаро-монгольское иго», становится еще более актуальным. На последней выставке «Рюриковичи», организатором которой выступала Православная церковь, татары были приравнены беспощадным завоевателям, затормозившие развитие нашей страны. Однако уместно ли отрицать значимость этноса, с которым, хотим мы или не хотим, произошел

¹⁷ Там же, с. 41

симбиоз. И Россия, какая бы оценка ни господствовала в обществе, останется наполовину европейской и наполовину азиатской.

Библиография:

Борис Акунин. Часть Азии. История Российского государства.
Ордынский пениод. М., 2014

Лев Гумилев. Черная легенда. М., 2013

http://mironovacolor.org/theory/humans_and_color/symbolism/

<https://ru.wikipedia.org/wiki/Легенда>